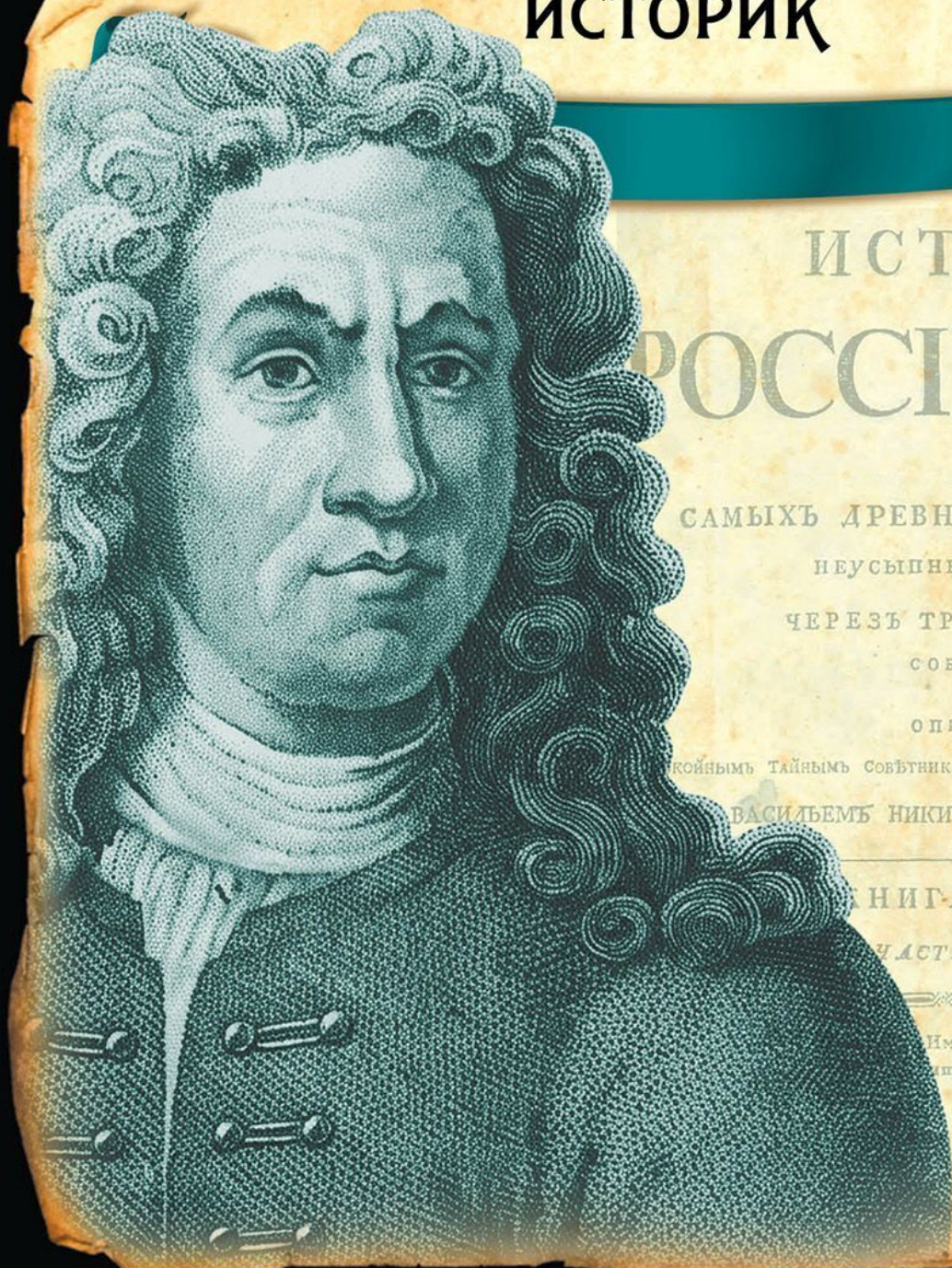

ИСТОРИЯ РОССИЙСКАЯ

ВАСИЛЬЕМЪ НИКИТИЧЕМЪ ТАТИШЕВЫМЪ.

КНИГА ПЕРВАЯ
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Императорскомъ Московскомъ
ишешъ 1768. года.

Русская история (Алгоритм)

Аполлон Кузьмин

**Василий Татищев.
Первый русский историк**

«Алисторус»

2026

УДК 929
ББК 63.3(4)5-8

Кузьмин А. Г.

Василий Татищев. Первый русский историк / А. Г. Кузьмин —
«Алисторус», 2026 — (Русская история (Алгоритм))

ISBN 978-5-00269-706-9

Василий Татищев (1685–1750) – сподвижник Петра Великого, великий государственный деятель, незаурядный управленец, создатель металлургической промышленности, строитель городов таких, как Екатеринбург и Пермь. А еще это был выдающимся мыслителем и первым русским историком. Его жизненное кредо стало крылатым выражением: «От службы не отказывайся, на службу не навязывайся». Книгу о великом русском человеке написал Аполлон Кузьмин – один из самых ярких отечественных историков XX века. Для него Татищев был образцом сильной личности, одаренного человека, который сумел состояться и как чиновник, и как творец. История его жизни увлекательна – ведь Татищев находился в эпицентре больших дел и интриг, тайной дипломатии и переворотов... Читайте классическое жизнеописание ученого, подвижника, философа, в повествовании о котором прослеживаются тайные пружины истории!

УДК 929
ББК 63.3(4)5-8

ISBN 978-5-00269-706-9

© Кузьмин А. Г., 2026
© Алисторус, 2026

Содержание

На переломе эпох	6
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Аполлон Григорьевич Кузьмин
Василий Татищев
Первый русский историк

* * *

© Кузьмин А.Г., правообладатели, 2026

© ООО «Издательство Родина», 2026

На переломе эпох

О людях, родившихся в XVII веке, мы, как правило, знаем очень мало. Сухие записи о прохождении службы – почти все, что бывает известно по документам о служилом человеке. Но всегда можно проследить, как на формирование личности воздействовала эпоха и как на эпоху воздействовали могучие мыслители и общественные деятели.

Дату своего рождения указал сам Василий Никитич Татищев, оставив запись на французской грамматике: «1720 году октября в 21 день, в Кунгуре, по сей грамматике начал учиться по французски артиллерии капитан Василий Никитин сын Татищева, от рождения своего 34 лет 6-ти месяцев и дву дней». Следовательно, он родился 19 (29) апреля 1686 года.

Татищевы принадлежали к ветви князей смоленских. Род этот, однако, давно захудал. При московских царях лишь немногие поднимались до думных чинов. Дед Василия, Алексей Степанович, имел небольшую вотчину – село Басаргино в Дмитровском уезде. Службу он начинал в 1638 году в чине жильца в Туле. При Алексее Михайловиче, в 1647 году, он стал стольником, а в 1659 году был воеводой в Ярославле. В 70-е годы участвовал в чигиринских походах, а в 1680 году был отставлен от службы и, видимо, вскоре умер. Вотчина перешла к его дочери Наталье, а с поместья должен был нести службу старший сын Федор. Никита Алексеевич, получивший в 1678 году чин жильца, остался беспоместным.

В XVI–XVII веках московские чины стояли по служебной лестнице выше уездных. Жильцы составляли как бы промежуточный слой: они набирались из младшего поколения московских чинов и из «выбора», то есть уездных дворян. Службу они несли либо поочередно при дворе, либо в походах в «государевом полку».

В XVII веке сохранялась сложная система вознаграждений за службу. Поместье постепенно приравнялось к вотчине, поскольку государство было заинтересовано в наследственном характере службы. Но основной формой вознаграждения являлся оклад, состоящий отчасти из денег, а большей частью из земельных пожалований временного пользования.

Земельные владения Татищевых были расположены главным образом в Московском и Псковском уездах. После Чигиринского похода 1678–1679 годов, в 1680 году, братья Федор и Никита возбудили ходатайство о выделении им доли в поместье умершего представителя псковской ветви Татищевых – Василия Петровича. Из Вотчинной канцелярии последовал отказ, поскольку специальная статья Соборного уложения 1649 года (статья 68 главы XVI) запрещала дворянам, получившим пожалования в Московском уезде, наследовать поместья «во Пскове и в Великом Новгороде». В новой челобитной Никита доказывал, что названная статья «челобитью неприлична», так как он «поместья и вотчин» не имел «ни единые чети» (четь – половина десятины). В итоге он получил 300 четей (считалась обычно земля в одном поле при трехпольной системе) и перешел в разряд псковских дворян, оставаясь дворцовым служащим.

Значительные перемены не происходят без глубокой общественной потребности. Но потребность не всегда разрешается наилучшим способом. 80-е годы XVII столетия были переломными: прежние устои пошатнулись, осознавалась необходимость каких-то изменений, но каких именно – большинству было неясно, а отдельные деятели предлагали выходы более или менее частные, сословно или даже фамильно ограниченные. И уже спустя три столетия нелегко определить, где находилась та равнодействующая, которая обеспечивала наиболее целесообразное развитие в последующее время.

Поскольку детские годы героя этой книги протекали «на службе» при царском дворе, необходимо напомнить о главных лицах правящей династии XVII – начала XVIII века.

Алексей Михайлович Романов умер в 1676 году в возрасте всего 47 лет. От первой жены, Милославской, у него было тринадцать детей. К моменту его смерти в живых оставались сыновья Федор и Иван и шесть дочерей. От Натальи Нарышкиной в 1672 году родился Петр, а затем

две девочки, одна из которых вскоре умерла. Со смертью Алексея Михайловича при дворе развернулась борьба двух группировок. Боярин Артамон Сергеевич Матвеев, в доме которого воспитывалась Наталья Нарышкина, попытался возвести на престол Петра мимо его старших братьев. Это ему не удалось. Царем был провозглашен четырнадцатилетний Федор, а Артамон Матвеев отправился в ссылку.

Острые и емкие зарисовки о придворных деятелях конца XVII века дал известный дипломат, свояк Петра I Борис Иванович Куракин. Постоянно интересовала эта эпоха и Татищева, который оценивал ее и как историк, и как младший современник. Оценки того и другого замечательны еще тем, что они лишены раболепия по отношению к власти имущим. Татищев лишь несколько идеализировал личность Алексея Михайловича, в чем сказывалось несогласие с деятелями из петровского окружения, поднимавшими Петра за счет принижения предшественников. Позднее историки С. М. Соловьев и В. О. Ключевский показали, что в XVII век уходили истоки и положительных и отрицательных акций царя-преобразователя.

Централизованное Русское государство складывалось под обжигающим воздействием ветров из степного юго-востока. Любой внутренний раздор сурово наказывался набегом татарской конницы, а позднее также польско-литовскими и шведскими вторжениями. Подчинение личных интересов государственным постепенно стало нормой жизни и мышления. Но со временем социальные верхи эксплуатируют эту идею в корыстных интересах, XVII столетие называют «бунташным» веком. Он был таковым именно потому, что эта тенденция стала осознаваться. Но внутренние противоречия не были разрешены, и опять-таки в значительной мере из-за внешней угрозы (в Смутное время это проявилось в полной мере).

Авторитет царской власти в, рамках централизованного государства создавался искусственно и как бы воплощал идею единства и подчинения личных интересов государственным. Соборное уложение 1649 года включило ряд угрожающих статей в защиту царской чести. Но сам Алексей Михайлович к этому непосредственного отношения не имел. Он вел себя так, как полагалось «православному царю», также выполняя своеобразный долг. Был он человеком безынициативным, но не лишенным чувства нового. В споре сторонников преобразований по западному образцу с ревнителями старины он занимал умеренно западническую позицию. При нем создаются полки «иноземного строя». Чужд был он и религиозного фанатизма (весьма сильного в это время в Западной Европе). Для воспитания детей ко двору приглашались лучшие учителя. Умерший в шестнадцатилетнем возрасте (в 1670 году) царевич Алексей хорошо знал латынь и современную ему литературу. Федор Алексеевич, воспитателем которого был Симеон Полоцкий, слагал вирши и сочинял музыку. Сам Алексей Михайлович поддался увлечению поэзией и пытался сочинять вирши. Правда, поэтический дар самодержца не решались превозносить даже льстивые царедворцы.

Утвердившаяся к XVII веку традиция признавала за царем право на определенные прихоти, совместимые с царской честью. У Алексея Михайловича это была соколиная охота и ловля птиц и зверей. У Федора Алексеевича – страсть к лошадям. Татищев, отрицательно относившийся к увлечениям обоих правителей, замечает, что при Федоре «...всяк наиболее о том прилежал, и ничим более, как лошадьми, хвалилися». Другая прихоть царя, видимо, больше беспокоила придворных, поскольку была дорогостоящей, но оказалась благотворной для государства: Федор был увлечен каменным строительством. Он создал специальный Каменный приказ, в задачу которого входило оказание материальной и технической помощи строителям, на льготных условиях выдавал материалы и средства из казны. В остальном царь не проявлял ни особой инициативы, ни последовательности, поскольку, как говорит Татищев, «был человек молодой, а к тому же не весьма твердой природы».

Алексей Михайлович многое из своей власти охотно уступал боярам и кругу приближенных. Федор в этом отношении определиться не успел. Но сознание необходимости держать при дворе представителей разных группировок господствующего класса стало уже своеобраз-

ной нормой поведения монарха. В приближении к царю находились дворяне Иван Языков и Алексей Лихачев. Соперничавшую с ними группировку возглавил Иван Михайлович Милославский, возвращенный из ссылки, по определению Татищева, «человек великого коварства и злобы». Соперники столкнулись на вопросе о женитьбе царя.

Женитьба монарха всегда являлась актом политическим. Но от русского царя не требовали подчинения его выбора задачам укрепления международных связей. Иван Грозный создал и прецедент, неоднократно затем повторявшийся: две тысячи невест – дочерей дворян свозили со всей страны, и царь вместе со своеобразной комиссией проводил смотрины. Таким путем женился и Алексей Михайлович, хотя в результате неизбежных придворных интриг ему и не удалось настоять на своем выборе (избранницу объявили нездоровой). На Марии Милославской юный самодержец женился по совету своего воспитателя Бориса Ивановича Морозова, который сам женился на ее младшей сестре и сделался свояком царя.

Федор невесту выбрал сам и оказался более настойчивым в личных делах, чем отец. Попытка Ивана Милославского скомпрометировать невесту – Агафью Симеоновну Грушецкую – разбилась о настойчивость жениха и завидную смелость невесты, оказавшейся способной постоять за себя. Ивану Милославскому пришлось бы снова отправиться в ссылку, если бы не предусмотрительное великодушие молодой царицы.

Старшие сыновья Алексея Михайловича не отличались твердостью, необходимой правителю, но способны были глубоко чувствовать и крепко привязываться. Алексей резко подорвал и без того слабое свое здоровье, тоскуя по умершей матери. И Федор не смог перенести обрушившихся на него несчастий: сначала, подарив царю и отечеству наследника, скончалась молодая царица, а некоторое время спустя умер и наследник. Придворные, пытаясь отвлечь царя от переживаний, женили его на Марфе Матвеевне Апраксиной. Но это лишь ускорило развязку. 27 апреля 1682 года Федор скончался.

С кончиной Федора возобновилась борьба Нарышкиных и Милославских. Фавориты Федора вместе с патриархом Иоакимом взяли сторону Нарышкиных, и десятилетний Петр был провозглашен царем мимо шестнадцатилетнего Ивана «собором», организованным на кремлевской площади. Акция эта встретила и противодействие в определенных столичных кругах.

Еще при Федоре начались волнения среди стрельцов. Теперь их недовольство должно было вылиться на преемника. Если бы таковым оказался Иван, то, возможно, и недовольство вылилось бы в его адрес. Но Иван сам выглядел жертвой. Поэтому стрельцы встали на его защиту. К тому же поддерживающий Нарышкиных патриарх ретиво преследовал раскольников. А многие стрельцы были из их числа. Уже на третий день после воцарения Петра стрельцы подали жалобы на полковников. Перепуганные советники царицы Натальи рассчитывали «откупиться» от стрельцов, наказав кнутом и батогами нескольких полковников. Стрельцы усилили нажим на власти, почувствовав их слабость, а стрелецкие головы потеряли интерес к правителям, которые отдали их наперсников на закланье, даже не проверив истинности обвинений.

Стрельцы в Русском государстве конца XVII века – явление довольно своеобразное. В свое время это было привилегированное войско из числа служивших «по прибору». Стрельцы получали огнестрельное оружие от государства, тогда как другие категории войск приходили на службу «конно и оружно». За службу стрельцам выделялось около двадцати десятин земли и два-три рубля жалованья в год. Жили они в специальных слободах в городах и использовались главным образом в качестве войск внутренней охраны. В свободное от службы время они занимались ремеслом и торговлей. В итоге стрельцы олицетворяли как бы два разных сословия: служилых людей и торгово-ремесленное население города. В качестве первого они вели борьбу за исправную выплату жалованья, а в другом качестве – протестовали против увеличения службы.

К концу XVII века стрелецкое войско основательно разложилось. Полковники и прочий командный состав из дворян расхищали деньги, отпускаемые на жалованье, а сами стрельцы стремились всеми средствами уклониться от службы. Эти обстоятельства и нашли выражение в известных восстаниях стрельцов. В качестве торгово-ремесленного населения стрельцы восставали против феодального строя, в качестве привилегированного слоя феодального общества они выступали за упрочение сословных переговоров.

Движение стрельцов использовали в своих целях разные силы. Князь Иван Андреевич Хованский натравливал стрельцов на своих недругов и лелеял мечты о собственном воцарении на Московском столе. В свою очередь, Милославские рассчитывали использовать Хованского против Нарышкиных, а затем устранить и его самого. 15 мая 1682 года стрельцы двинулись к Кремлю. Как и во многих других аналогичных выступлениях, восставшие шли спасать царскую семью от козней бояр. На сей раз речь шла об обойденном властью Иване и его сестрах. Распространился слух, что Ивана убили. Рассчитывая успокоить толпу, Нарышкины вывели на крыльцо Петра и Ивана. Но движение уже невозможно было остановить. После непродолжительной заминки подогреваемые смутянами стрельцы ворвались на крыльцо и сбросили на копья только что вернувшегося из ссылки боярина Артамона Матвеева. На глазах Петра были убиты и другие видные сторонники партии Нарышкиных, в том числе его дядя Афанасий Кириллович. 17 мая на расправу стрельцам был выдан и еще один брат царицы – Иван Кириллович. Отец Натальи Кирилл Полуэктович был помилован с условием, что он уйдет в монастырь. Раздавались требования заключения в монастырь и самой Натальи Кирилловны.

Противоречивое положение стрельцов сказалось и на ходе восстания, и на их требованиях. Восставшие разгромили Судный и Холопий приказы и уничтожили крепости на несвободных людей. Но, получив удовлетворение своих требований, стрельцы позволили использовать себя для расправы с челобитчиками, бившими челом «о свободе, чтобы им быти бескабально».

Натравить стрельцов против Милославских Хованскому не удалось. 26 мая Иван был провозглашен царем наряду с Петром. Через три дня Софью провозгласили регентшей. Хованский попытался противопоставить стрельцов-раскольников приверженцам Софьи. Но это вызвало лишь раскол в самом стрелецком движении. Подобно тому как в 1564 году покинул Москву Иван Грозный, 29 августа 1682 года царский двор выехал в Коломенское, а затем в Саввино-Звенигородский монастырь. Было объявлено о заговоре против жизни царей. В Троице-Сергиев монастырь приглашались вооруженные дворяне для предотвращения угрозы. Из села Воздвиженского (десять километров от монастыря) был направлен указ Хованскому явиться «для встречи гетманских посланцев». Хованский, не чувствуя прочной опоры, вынужден был повиниться. 17 сентября он был схвачен и казнен. Правительство Софьи обещало стрельцам полное прощение, и они пришли в монастырь с повинной. Разрозненные антифеодальные и внутрифеодальные движения после этого были вскоре усмирены.

Майские события 1682 года оставили неизгладимый след в сознании Петра, способствуя выработке у него отрицательного отношения ко всему старому русскому. Именно тогда овладела Петром неумемная жажда мщения строптивым стрельцам, вылившаяся шестнадцать лет спустя в яростную расправу над ними. Пока же такой возможностью он не располагал: Нарышкины были оттеснены от дел Милославскими.

Если мужское потомство Марьи Ильиничны Милославской отличалось болезненностью, то все дочери были, что называется, в соку. Софья к тому же отличалась большим умом и политической активностью. Неизменно поддерживали ее сестры и тетки. Уже при Алексее Михайловиче началось некоторое ослабление «теремного» режима для русских женщин. Царь водил жену и детей на «комедийные действия», брал их с собой на охоту. Им позволялось потанцевать в обществе. Однако выходить замуж царские дочери не могли. Для них требовались женихи королевского достоинства, да еще православные. В результате двор был переполнен старыми

девами разных возрастов и поколений, с тоской и завистью взиравших на естественные горести и радости своих сверстниц из менее знатных семей. Приход к власти Софьи резко изменил ритм жизни всей женской половины рода Милославских. Никто теперь не запрещал им иметь «голантов». Двор наполнился неумным весельем. Сестры Софьи проявляли завидное усердие, создавая хоры и комедийные группы: из их состава в основном и выбирались «голанты».

Мощная фигура Петра в позднейшей историографии заслонила неудачную регентшу. Но и современники, и ближайшие потомки давали ее правлению вполне положительную оценку. Мудрость правителя в конечном счете проявляется в подборе им деловых людей. И в этом отношении Софья была на достойном уровне. «Правление царевны Софьи Алексеевны, – писал позднее Борис Иванович Куракин, – началось со всякою прилежностью и правосудием всем и ко удовольствию народному, так что никогда такого мудрого правления в Российском государстве не было; и все государство пришло во время ее правления через семь лет в цвет великого богатства, также умножилась коммерция и всякие ремесла, и науки почали быть латинского и греческого языку...»

80-е годы были, несомненно, самыми благополучными для русской экономики. Ширилось каменное строительство (свидетельство чему сохраняющаяся до сих пор архитектура многих русских городов), росла торговля, развивалось предпринимательство, в том числе крестьянское. В одной Москве, по сообщению посетившего ее француза Невилля, было построено за это время более трех тысяч каменных домов. По свидетельству того же Куракина, Софья «по своей особливой инклинции к амуру Василия Васильевича Голицына назначила дворовым воеводою... И почал быть фаворитом и первым министром, и был своею персоною изрядной и ума великого и любим от всех».

В 1682 году Софье было двадцать пять лет. Князь В. В. Голицын родился в 1643 году. Благодаря знатности рода он скоро оказался в непосредственной близости от «превысочайшего престола». Отроком в качестве чашника он «вина нарежал». Во время поездок царя по подмосковным селам выполнял обязанности возницы и «ухабничего». С началом правления Федора его из стольников сразу произвели в бояре. Не без влияния Голицына в 1679–1680 годы были смягчены некоторые статьи уголовного законодательства и судопроизводства: отменялось отсечение рук, ног, пальцев за воровство (за исключением участников повторных краж), ускорялось прохождение дел «колодников», которым ранее обычно не слишком торопились предъявить их «вины».

На протяжении 70-х годов Голицын неоднократно назначался «для бережения городов» на Украину. Особых воинских талантов он там не проявил. Зато его дипломатические успехи были несомненными. Это способствовало росту его влияния при дворе. Он получает богатые пожалования из дворцовых вотчин.

С именем Голицына связано большинство преобразовательных идей 80-х годов. В конце 1681 года ему было поручено разработать план преобразования войска. Комиссия быстро предложила решение: отменить местничество и ввести «немецкий строй» в войске. Мотивировалось это тем, что в недавних войнах неприятели «показали новые в ратных делах вымыслы». 12 января 1682 года было созвано некое подобие земского собора, который формально утвердил одно решение: «Да погибнет во огни оное, богом ненавистное, враждотворное, братоненавистное и любовь отгоняющее местничество и впредь да не вспомнется веки!» Повышению действенности управления служил и проект 1681 года о создании в стране наместничеств. Но из-за противодействия церкви, опасавшейся дальнейшего усиления светской власти, проект не был утвержден.

После 1682 года Голицын сосредоточивает в своих руках всю полноту власти. Он возглавляет сразу несколько приказов, в том числе Посольский, Иноземский и Рейтарский. В других приказах делами ведают его сторонники. Около 1687 года боярский чин получает и юный сын временщика Алексей, показывавший, кстати, недюжинные государственные способности.

Подобно всем временщикам и в соответствии с феодальным пониманием оплаты заслуг Голицын стремился и к почестям, и к пожалованиям. Татищев, весьма высоко ценивший Голицына, осуждал князя за пристрастие к своим родственникам, которые как бы выводились из-под действия им самим установленных законов. Но о государственном интересе князь никогда не забывал.

Во второй половине XVII века утверждается одна тенденция, которая будет нарастать на протяжении двух столетий: подозрительно относясь к иноземным порядкам, представители господствующего класса начинают наперебой щеголять иностранными сувенирами и безделушками, а кое-кто теперь оценку иноземцев ставил выше, чем мнение собственных современников и потомков. В круг модных вещей в этот период входят просвещение вообще и книги в частности. И Голицын одним из главных украшений своего дома в Охотном ряду считал библиотеку, в которой имелись рукописные и печатные книги на латинском, польском, немецком и, конечно, на русском и украинском языках. Помимо традиционных церковноучительных книг, способных поразить гостя разве что окладом, здесь были работы по философии, истории, военному делу, государственному устройству. В доме Голицыных собирались наиболее просвещенные представители правящей верхушки, а также иностранцы. Князь любил беседовать с ними, и они любили беседовать с ним. Именно иностранцы рассказывают о больших преобразовательных планах Голицына, о его внимании ко всякого рода новым веяниям на Западе. Иностранцы восхищались его умом и размахом намечаемых реформ. Как сообщает Невилль, Голицын был занят двумя проблемами: как поднять боеспособность войска и откуда взять деньги на его содержание. Перестройку он предполагал провести за счет устранения чрезвычайной пестроты в тинах войск. Улучшению организации войска, его подвижности должен был служить и перевод его на денежное жалованье. Обеспечить это можно было лишь на путях общего увеличения поступлений в государственную казну. Голицын полагал, что наибольшее увеличение поступлений может быть обеспечено за счет освобождения крестьян от крепостной зависимости, увеличения их земельных наделов и соответственного увеличения государственных податей.

Планы Голицына, по-видимому, оставались на уровне предварительных обговоров в кругу друзей и ближайших сотрудников – людей незнатных, но деятельных: Неплюева, Касогова, Змеева, Украинцева. И нельзя сказать, чтобы для этих планов вообще не было материальной основы. Скорее их можно считать отражением действительной направленности развития в 80-е годы. В условиях экономического подъема преимущества вольнонаемного труда были особенно заметны, и ослабление крепостнической зависимости проявлялось в это время в разных формах. К тому же крестьяне считались лично свободными, так как закреплялись они не за теми или иными владельцами, а за определенной территорией, которой дворяне в большинстве случаев владели временно. Но, разумеется, что проведение сколько-нибудь значительных реформ было возможно только от имени царей. А склонить их к этому в 1689 году у Голицына сил уже не было, если он к этому и стремился.

И Голицын и Софья прекрасно сознавали шаткость своего положения. Петр подрастал. Он уже в одиннадцать лет производил впечатление шестнадцатилетнего юноши. Теперь же, спустя шесть лет, он и прямо демонстрирует пренебрежение к Софье. Поднимала голову и мать царя Наталья Кирилловна, жаждавшая отомстить сопернице. «Вечный мир» с Польшей в 1686 году был крупнейшей дипломатической победой Голицына, нацелившего внешнюю политику страны на борьбу за моря. Одним из результатов договоренности с Польшей было соглашение о выступлении совместно с Австрией и Венецией против Турции. Но к серьезным военным операциям на юге Россия еще не была готова. Два крымских похода Голицына способствовали освоению плодородных черноземов юга, но в военном отношении закончились неудачей. Это пошатнуло положение и Голицына и Софьи. К тому же в отсутствие Голицына Софья обзавелась новым «голантом» – Федором Шакловитым, главой Стрелецкого приказа. Софья с Шакло-

витым была готова идти до конца в борьбе за власть. Голицын же и ранее предпочитал синицу в руке журавлю в небе. Теперь ему и вообще не было смысла втягиваться в более чем рискованные затеи регентши. Он готов сотрудничать с митрополитом Иоакимом в деле предотвращения назревающих столкновений, не прочь установить деловые отношения и с Петром. Но уже поздно. Шакловитый попытался поднять стрельцов, но безуспешно. Неудачника казнили. Софью заточили в монастырь. Голицына лишили всех чинов и отправили в ссылку. Судьба его могла быть и более печальной, если бы не заступничество двоюродного брата Бориса Александровича Голицына – любимца Петра и одного из организаторов подавления заговора Софьи и Шакловитого.

Власть снова перешла к матери Петра. В окружении Натальи Кирилловны не было людей, достойных управления огромным государством. Сама Наталья была, по выражению Куракина, «править некабель¹, ума малого». Борис Голицын, единственный достаточно подготовленный деятель, «пил непрестанно» и мало заботился о последствиях, разоряя вверенные ему области. Брат царицы Лев Нарышкин отличался бесшабашным характером и той же страстью к пьянству. Еще один приближенный Натальи, Тихон Стрешнев, оценен современниками как «интригант дворовый». Ничего к этому синклиту не могли прибавить и новые родственники Петра Лопухины, приблизившиеся ко двору после его женитьбы. В итоге же, заключает Куракин, «правление царицы Натальи Кирилловны было весьма непорядочное, и недовольное народу, и обидимое. И в то время началось неправо правление от судей, и издоимство великое, и кража государственная, которая донныне продолжается с умножением, и вывести сию язву трудно».

В событиях конца столетия невольно участвовал и царь Иван. Был он косноязычен, страдал цингой. Говорили и об умственной его неполноценности. Правда, Татищев позднее находил, что Иван был «довольного ума». Но это, видимо, впечатление детства: именно ко двору Ивана был взят мальчик Василий, сын Никиты Татищева.

Софья, естественно, стремилась использовать Ивана для оттеснения Нарышкиных. Этой цели служила и женитьба больного царя, причем предусматривалась и возможность «помощи» супругу для произведения на свет наследника. Женитьбу осуществили в духе старины: свезли невест из разных мест. Не слишком зоркий взгляд семнадцатилетнего царя уловил расположенность к нему жизнерадостной и миловидной Прасковьи Салтыковой.

Салтыковы вели свой род от Михаила Прушанина, выехавшего в XIII веке из Пруссии в Новгород. Прадед Прасковьи Михаил Глебович уехал в Польшу. Но с возвращением России Смоленска ее отец Александр-Федор принял русское подданство. От первого брака Федора в 1664 году родилась Прасковья. Вторым браком он был женат на Анне Михайловне Татищевой (умерла в 1702 году), дочери самого видного деятеля из рода Татищевых – Михаила Юрьевича.

Через несколько лет вполне благополучной жизни Ивана и Прасковьи царица наконец «очреватела» и в 1689 году родила дочь. Затем у нее родилось еще четыре девочки. В то время дети часто умирали в грудном возрасте. Остались в живых Екатерина (1692), Анна (1693) и Прасковья (1694). Положение Татищевых укреплялось по мере того, как увеличивалась вероятность наследования престола потомством старшего царя – Ивана. В 1691 году Михаил Юрьевич получил боярский чин, а Никита Алексеевич почетное поручение Поместного приказа ехать в Дмитровский уезд «для розыску, меры, межевания и учинения чертежа в поземельном споре Богоявленского монастыря». В 1697 году Никиту Алексеевича посылают «для поиска под неприятелем и для строения в Азове, Любине, Таганроге, всяких крепостей в полку боярина А. С. Шеина у жильцов ротмистром». Поместья его возрастают до 1059 четей в поле. В связи с рождением царевны Анны сыновья Никиты, десятилетний Иван и семилетний Василий, были пожалованы в стольники. Так началась придворная служба Василия – первая его жизненная школа.

¹ Характерное для эпохи словопроизводство (из французского – неспособный)

Царь Иван Алексеевич умер в 1696 году. У Прасковьи в это время числилось 263 стольника. Вдовой царице пришлось распустить чрезмерно разросшийся штат. Петр позволил невестке выбрать любое из дворцовых сел. Прасковья остановилась на Измайловском, где и проходила ее дальнейшая жизнь. Измайловский дворец «на острове» был излюбленным местом обитания еще Алексея Михайловича. В Измайловских садах проводились опыты с разведением разного рода экзотических растений. Здесь же находили применение всевозможные технические новинки. Прасковья силой обстоятельств должна была поддерживать это тяготение к новому. Она охотно и радушно принимала буйные компании Петра, помогала ему в частных делах. Измайлово становится одним из центров зарождающейся театральной жизни. В то же время и патриархальность в ее положительных и отрицательных проявлениях накладывала отпечаток на быт царицы. Дом заполняли юродивые, прятавшиеся при посещении дворца Петром и его разгульными компаньонами. В доме Прасковья оставалась типичной русской барыней.

Дружба с будущей царицей Екатериной и сестрой Петра Наталией, родство с Трубецкими, Стрешневыми, Куракиными, Долгорукими, свойство с «кесарем» Федором Юрьевичем Ромодановским давали Прасковье устойчивое положение, но устойчивых доходов она не имела. Не было денег на ремонт обветшавшего дворца. Не было средств даже на то, чтобы заплатить гувернерам. Ничего не получил Стефан Рамбух, нанятый в 1703 году, дабы он девочек «танцу учил и показывал зачалю и основание языка французского». Правда, учитель мог утешаться тем, что он и не научил ничему своих воспитанниц. Немного дал и другой «воспитатель» – бездарный брат Генриха-Иоганна-Фридриха Остермана, переименованного Прасковьей в Андрея Ивановича. Даже по тому времени царевны получили недостаточное образование. И едва ли не менее всех досталось на долю будущей императрицы Анны.

В условиях тяжелой Северной войны Петр распоряжается судьбами царевен как разменной монетой в дипломатических торгах. Семнадцатилетнюю Анну в 1710 году выдали за герцога курляндского Фридриха-Вильгельма. Герцог «пил до невозможности» и в начале 1711 года по дороге из Петербурга в Митаву умер «от непомерного потребления крепких напитков». Анна приезжает в Курляндию уже вдовой. Ее сестру Екатерину в 1716 году выдали за герцога мекленбургского Карла-Леопольда, который не успел даже развестись с первой женой. Беспринципный и жестокий, он презирал русских. Правда, и сам он пользовался презрением, и не только у русских. Позднее, в 1736 году, когда «презренным русским» было уже не до него, он был лишен престола и кончил жизнь в заточении. Еще ранее Екатерина вернулась в Россию. Прасковье жениха не подобрали. Тайно же она была обвенчана с сенатором Иваном Ильичом Дмитриевым-Мамоновым.

Хотя с кончиной царя Ивана Алексеевича Татищевы должны были покинуть придворные должности, близость их к дому Прасковьи Федоровны сохранялась. Василий до конца жизни царицы был в нем своим человеком, имея здесь и друзей и недругов. И позднее, критикуя «суеверных пустосвятов, льстецов и лицемеров», он приводит одно «доказательство», «которое многим ведомо, а никому в обиду быть не может». «Двор царицы Прасковьи Федоровны, – вспоминает Татищев, – от набожности был госпиталь на уродов, юродов, ханжей и шалунов. Между многими такими был знатен Тимофей Архипович, сумазбродной подьячей, которого за святого и пророка суеверцы почитали, да не только при нем, как после его предсказания вымыслили. Он императрице Анне, как была царевною, провесчал быть монахиней и назвал ее Анфисою, царевне Прасковий быть за королем и детей много иметь. А после как Анна императрицею учинилась, сказывали, якобы он ей задолго корону провесчал».

Упомянутый эпизод с «предсказанием» мог относиться к началу XVIII века. Другой эпизод, связанный с откровениями того же самого «прорицателя», Татищев относит уже к 1722 году, когда он отъезжал «в Сибирь к горным заводам и приехал к царице просчение принять». Царица, вспоминает Татищев, «жалую меня, спросила онаго шалуна, скоро ли я возвращусь».

Он, как меня не любил за то, что я не был суверен и руки его не целовал, сказал: он руды много накопает, да и самого закопают».

Соприкосновение в детстве с самыми верхами государственной системы, несомненно, оказало влияние на формирование мировоззрения и в какой-то мере характера Василия Никитича. Широкий, государственный кругозор был ему как бы задан с детства. Сызмальства ему свойственны и весьма многих раздражающая независимость суждений, и чувство собственного достоинства.

Никита Алексеевич Татищев, судя по назначениям, отличался определенными познаниями в области геодезии, а также фортификации. Очевидно, от него эти знания унаследовал и Василий. В семье Татищевых учению вообще уделялось большое внимание. Начатки образования получили не только все три брата, но и их сестра Прасковья. При этом никто из них не значится в списках слушателей Славяно-греко-латинской академии. Обучались, по-видимому, на дому. При дворе тогда были модны польский и немецкий языки, особенно первый. Это было связано как с наплывом воспитанников Киево-Могилянской академии после воссоединения Украины с Россией, так и с общим курсом на сближение с Польшей. Позднее Татищев проявляет хорошее знание этих языков. Весьма вероятно, что первое знакомство с ними он получил еще в годы своей придворной службы.

Какое-то время семья Татищевых проводит в Пскове, близ которого находились основные владения Никиты Алексеевича. В воспоминаниях Татищева остался любопытный факт, относящийся к этому времени. Тринадцатилетним мальчиком он наблюдал судебные процессы, проводившиеся городским управлением. И опять-таки его влекло не праздное любопытство, а стремление узнать, понять и осмыслить. Цепкая память мальчика доставляла уже зрелому мужу материал для анализа и далеко идущих выводов. Псковские наблюдения использовались им позднее для сопоставления практиковавшегося в Пскове самоуправления и новгородской анархии. Комментируя разногласия Пскова и Новгорода в 1228 году, Татищев находил, что «во псковичех более умных и правдивых людей было, и лучший порядок содержан, нежели в Новгороде, ибо в Новгороде, конечно бы, таких сомнительных, а притом весьма невинных людей побили, как часто случалось». Псковское судопроизводство ему представлялось образцом справедливости, и, как он полагал, «за сие псковичи вольности их до времен наших сохранили». В XVII веке здесь еще сохранялось городское войско, полковники которого назначались городским управлением.

Отмеченные Василием Никитичем следы псковского самоуправления непосредственно восходили не к древним псковским вольностям, а к остаткам реформы Афанасия Лаврентьевича Ордина-Нащокина, проведенной им в 1665 году за восемь месяцев пребывания в качестве псковского воеводы. Считается, что реформа была отменена по настоянию преемника Ордина-Нащокина Хованского уже в следующем году. Но, судя по данным Татищева, Хованский не смог совершенно ее ликвидировать. С другой стороны, Татищев правильно увидел в своеобразии внутреннего устройства Пскова сохранение древней традиции, а не того, что было заимствовано воеводой «с примеру сторонних чужих земель» (то есть самоуправления по Магдебургскому праву).

Псков отличался не только «порядочными» республиканскими обычаями, но (опять-таки в отличие от Новгорода) и особой приверженностью идее единой русской государственности, Москве. Татищевы здесь к тому же представляли не столько местное, сколько именно московское дворянство. Все это накладывало отпечаток на формирование политических взглядов будущего мыслителя: республиканские традиционные русские истоки преломлялись через призму московского самодержавия как носителя идеи государственного единства и величия отечества.

Весьма вероятно, что в памятный для России год тяжелого поражения под Нарвой семья Татищевых находилась под Псковом. Начавшаяся война требовала ускоренного обучения

недорослей для определения их на службу. В самом начале 1704 года на Генеральном дворе села Преображенского проводился очередной набор детей жильцов-стольников. Фельдмаршал Борис Петрович Шереметев из 1400 недорослей признал негодными более трехсот. Братья Татищевы – двадцатилетний Иван и семнадцатилетний Василий – выдержали экзамен и были зачислены в драгунский полк. Незадолго до этого братья потеряли мать Фетинью, а отец их женился на «Вере – дочери Потаповой». Сыновья не приняли мачеху, и это было одной из причин, почему в полк ушли оба брата сразу. Позднее Татищев вспоминал о последнем домашнем напутствии: «Родитель мой, в 1704 году отпуская меня с братом в службу, сие накрепко наставлял, чтоб мы ни от чего положенного на нас не отрицались и ни на что сами не назывались; и когда я оное сохранил совершенно и в тягчайших трудностях благополучие видел, а когда чего прилежно искал, или отрекся, всегда о том сожалел, равно же и над другими то видел».

Татищев воспроизвел наказ отца в напутствии своему сыну. Совет Никиты Алексеевича был вполне в духе порядков, царивших при дворе, где выше всего ценилась исполнительность, а любая инициатива вызывала настороженность и подозрение. Но деятельная натура Василия была совершенно чужда этому принципу. Он советует сыну то, чего сам никогда не делал, – и за отступление от чего, как будет видно, постоянно страдал.

19 февраля 1704 года в Москву прибыл турецкий посол Мустафа-ага. На встречу не вполне дружественного гостя вывели три пехотных полка, в том числе и «новики», одетых «в убор немецкой конницы». После этого «новики» осмотрел сам Петр и «по смотру, которые годились в службу, писали всех в солдаты». До июля 1704 года два сформированных полка проходили обучение, а затем были направлены под Нарву. Здесь в августе 1704 года Василий, по-видимому, и принял первое боевое крещение в качестве рядового драгуна. Он вспоминал об этом эпизоде, комментируя летописное известие о явлении «огненного змия» в 1146 году, подобный которому ему приходилось наблюдать в 1704 году «в бытность наших войск при Нарве и в Москве», а затем в 1717 году, «будучи близ Познани». Установив, что в одно и то же время «огненный шар» был видим и в Германии и в Москве, Татищев заключил, что «шар» проходил на большой высоте. Многочисленные домыслы и происки «очевидцев» он при этом решительно отводил с помощью своеобразного сравнительного анализа и отсылками к работе Вольфа «Физика», где аналогичный факт был описан как падение метеорита. Примечательно, что пытливый ум даже и в самые тяжелые годы войны более занимали неразгаданные тайны бытия, чем важнейшие вехи напряженной борьбы русского войска с первоклассной шведской армией или собственные подвиги.

Если в конце XVII века тяга к образованию захватывает сравнительно узкий придворный круг и наиболее предприимчивые слои посада, то с начала XVIII века подготовка знающих дело специалистов становится важной государственной задачей. Открываются специализированные школы, детей дворян посылают на учебу за границу. Те же, кто не успел получить необходимые знания в школах или у домашних учителей, стремятся теперь восполнить их в «полевых» условиях. Татищев принадлежал к тому сравнительно небольшому кругу дворян, чья подготовка уже превышала курсы вновь открываемых училищ (Артиллерийской школы, действовавшей с 1701 года, и других). Но она не удовлетворяла ни его собственным запросам, ни требованиям, которые в будущем ему могла предъявить служба. Поэтому Татищев пользуется любой подходящей возможностью для того, чтобы пополнить свои знания буквально во всех сферах науки и практической деятельности.

По-видимому, служба в драгунском полку и участие в походе войска под предводительством Шереметева от Нарвы до Курляндии, а затем операции этого войска в Польше и Литве (1705–1708) явились артиллерийской школой Татищева. Именно в это время драгунским полкам была придана специальная «конная артиллерия», а также ряд других типов артиллерийского оружия. Вскоре после большого сражения 15 июля 1705 года при Мурмызе в Курляндии братья Татищевы на какое-то время выбыли из строя по ранению. Весной же 1706 года в связи

с формированием новых драгунских полков из разночинцев в Полоцке и Смоленске было отобрано десять находившихся здесь на излечении опытных драгунов для обучения новобранцев «драгунскому строю». В числе учителей оказались и оба брата Татищевы, получившие чины поручиков.

12 августа 1706 года новый драгунский полк, во главе которого был поставлен судья Поместного приказа Автомон Иванов, отправился из Москвы на Украину. В октябре, в частности, полк находился в Киеве. В составе этого полка несли службу и братья Татищевы.

Автомон Иванович Иванов – один из выдвиженцев последней четверти XVII века, когда он становится дьяком, а затем думным дьяком. В качестве судьи он выступает в Поместном, Пушкарском, Иноземском и Рейтарском приказах, а также в Царской Мастерской палате, где он постоянно общался с Алексеем Михайловичем Татищевым – братом супруги Салтыкова, выполнявшим с 1688 года также должность постельничьего при Иване Алексеевиче. Не исключено, что именно покровительство Алексея Михайловича способствовало приближению Василия Татищева к командиру полка. Петр I не очень жаловал старые управленческие чины, и Автомон Иванов должен был сочетать службу в полку с руководством Поместным приказом. Поэтому он постоянно ездит из полка в Москву. Очень часто в этих поездках его сопровождает молодой поручик Василий Татищев. Ему командир доверяет и различные поручения, требующие от исполнителя аккуратности и предприимчивости. Прошедший сам большую жизненную школу, Автомон Иванов ценил и поощрял в своем подопечном пытливый ум и практическую хватку.

Именно благодаря Автомону Иванову Василий Татищев попал в поле зрения Петра I. Царь, конечно, и раньше знал стольников Татищевых. Но они подвизались в той части двора, которая была наименее интересна для набиравшего силу царя, а придворную службу «у постели» или «у стола» он, как известно, не ценил. Теперь же он видел перед собой молодого, многообещающего офицера, проявлявшего расторопность и усердие в несении куда более важной для государства службы. В конце 1706 года Автомон Иванов отправляет Василия из Москвы в полк со 198 драгунами и сообщает об этом Петру («отпущены с Татищевым») как о деле рядовом, аналогичном каким-то другим, связанным с тем же Татищевым.

В 1706 году умер отец братьев Татищевых Никита Алексеевич. Встал вопрос о разделе имущества и владений. К этому времени Василий, по-видимому, уже имел какие-то пожалования за собственную службу. Во всяком случае, еще до раздела в том же году он добился в Поместном приказе освобождения из-под суда одного из своих крепостных крестьян. Челобитную о закреплении вотчин и поместий отца братья Иван, Василий и Никифор возбудили в Поместном приказе 10 февраля 1707 года. Вопрос, однако, не был разрешен из-за противодействия мачехи. Лишь в 1712 году, когда мачеха вторично вышла замуж, братья вновь поставили этот вопрос, подчеркивая, что «их мачиха бездетна» и что «ис тех дачь у отца их ничего не убыло и спору и челобитья ни с кем ныне нет». В июне 1712 года братья в раздельной челобитной писали, что «поговоря... меж себя, полюбовно раделили поместье и вотчины родовые и выслужные и купленные отца своего, усадьбы и дворы и людей дворовых и всякое дворовое и хоромное строение». Разделу подлежали прежде всего владения в Дмитровском и Клинском уездах. Приданные вотчины матери в Дмитровском уезде братья оставили сестре Прасковье. К ней переходило сельцо Колашино (Колакшино) и деревня Горки в Вышеградском стане Дмитровского уезда. Кроме того, братья выделяли ей по пятьдесят рублей на приданое. Василию по этому разделу досталось две трети сельца Горбова в Лутосенском стане Дмитровского уезда и ряд пустошей в Клинском уезде. В Горбове проживало восемь семей «дворовых и деловых людей» и три семьи крестьян значилось «в бегах». Псковские, галицкие и донковские владения еще предстояло разделить, а пока братья согласились совместно выплачивать подати «до новых переписных книг».

Взяв на себя проведение раздела, Василий следит за тем, чтобы не было обиженных. Он заботится о сестре, предусматривая освобождение ее от уплаты по возможным долгам отца. Старшему брату Ивану, находившемуся в действующей армии, он предлагает взять любую из трех долей, «ежели ему ево доля нелюба». Иван, однако, не оценил деликатности брата. Три года спустя, когда Василий предложил окончательно оформить раздел, Иван выдвинул претензии к братьям, считая, что его обманули, выделив ему худшую долю. Теперь он требует передачи ему доли Василия или же осуществления нового раздела. Василий, который, очевидно, уже сделал определенные вложения в упорядочение унаследованного хозяйства, вспылал и воспротивился этим притязаниям. Затем, он, однако, согласился на обмен, хотя и считал, что брат добивается его «неправо». Особо он оговаривал лишь условие оставить за ним «человека» Александра Васильева с матерью и сестрою, служившего у него «с отпуской».

По новому разделу, утвержденному 28 июля 1715 года, Василий получил по «четверти пустоши» Ширякова и Посконина в Лутосенском стане Дмитровского уезда, половину сельца Федулина, полусельца Залесья с примыкавшими к нему частями в пустошах и полдеревни Становой. Проживало на всех этих землях восемь крестьянских семей. В Федулине же находились старая усадьба и сад, принадлежавшие ранее деду (почему первоначально на нее и претендовал старший брат). Часть поместий еще оставалась неподеленной и управлялась негодным к военной службе Никифором.

В целом в поместно-вотчинных делах Татищев не имел особых успехов. Рассчитывать приходилось на денежное жалованье, удельный вес которого в оплате за службу в петровское время возрастал, хотя выплачивалось оно крайне нерегулярно. Да и размеры его далеко не соответствовали тому общественному положению, в котором Татищев оказался как в силу наследственных связей, так и благодаря собственным служебным заслугам. Офицер Татищев явно выделялся на фоне своих сверстников самоотверженностью и результативностью выполнения любых поручений. Неоднократно оказывается он и в поле зрения Петра. Пути их пересеклись и в величайшем событии Северной войны – Полтавской битве.

Позднее Татищев вспоминал разные эпизоды Полтавской битвы, участником которых он был. В одном случае он говорит о сумятице, происшедшей в их бригаде из-за того, что находившийся на левом фланге Новгородский полк имел форму, сходную со шведской, в другом – о своем ранении на глазах Петра. Бригада, в которой находился Татищев, подверглась мощнейшему натиску со стороны шведов. Накануне, 26 июня, один унтер-офицер Семеновского полка, «немчич», перебежал к врагу. Предвидя, что перебежчик укажет шведам наиболее слабые звенья в русском войске, Петр распорядился переодеть вновь набранный полк в иную форму, а их мундиры надели солдаты одного из лучших полков – Новгородского. На первый батальон Новгородского полка и обрушили свой удар шведы. Драгуны же, входившие в ту же дивизию (в числе которых был и Татищев), видимо, не были своевременно уведомлены о переодевании, проведенном к тому же в считанные часы. Поэтому они и приняли своих за шведов.

Петр сам взял на себя командование дивизией, а после того, как первый батальон Новгородского полка, понеся большие потери, начал отступать перед превосходящими силами неприятеля, возглавил второй батальон и повел его в контрнаступление. Именно в это время пуля прострелила ему шляпу. Естественно, что драгуны стремились не отстать от ринувшегося в битву царя. Татищев оказался рядом, когда его встретила шведская пуля. «Счастлив был для меня тот день, – делился он воспоминаниями перед старшинами Астраханского края, – когда на Поле Полтавском я ранен был подле государя, который сам все распоряжал под ядрами и пулями, и когда по обыкновению своему он поцеловал меня в лоб, поздравляя раненым за Отечество. Счастлив был тот день...»

После Полтавской битвы полк, в котором продолжал служить Татищев, был снова передислоцирован в Киев. В Киеве в это время командовал войском Дмитрий Михайлович Голицын (1665–1737) – будущий лидер «верховников». Позднее, с 1711 по 1721 год, он являлся

киевским губернатором. Здесь для Голицына – едва ли не самого образованного деятеля России начала XVIII века – выполняют многочисленные переводы политических и исторических сочинений. Около него постоянно группируются лица знающие и думающие, как местные, связанные с Киево-Могилянской академией, так и приехавшие из Москвы.

Атмосфера, сложившаяся вокруг воеводы, как нельзя более соответствовала и направлению мыслей поручика Татищева. В 1710 году он, «идучи из Киева с командой» (численностью в триста человек) осматривал близ Коростеня «Могилу Игореву», то есть холм, где, по преданию, был похоронен убитый в 945 году древлянами киевский князь Игорь. Сама Киевская земля, ее городища и курганы будили в Татищеве ощущение величия не только настоящего, но и прошлого Русской земли, все более заставляли его доискиваться истоков противоречий современной ему общественной жизни.

В ноябре 1709 года видному русскому дипломату Петру Андреевичу Толстому удалось возобновить старый (от 1700 года) мирный договор с Турцией, разрушив таким образом происки шведской дипломатии. Однако визирь Али-паша, заключивший этот договор, в июне 1710 года был свергнут. Русского посла заключили в тюрьму, и в ноябре 1710 года Турция объявила войну России.

С самого ее начала Татищев оказывается в южных пределах России вместе со своим полком, получившим название Азовского. Начало войны застает его в Азове, а затем полк направляется через низовья Днепра к Дунаю. К маю 1711 года полк включается в число русских соединений, участвующих в Прутском походе. Сюда же позднее подходят войска из Прибалтики под командованием фельдмаршала Шереметева.

Появление русских войск у реки Прут вызвало переход на сторону России молдаван во главе с господарем Дмитрием Кантемиром. Большая группа молдавских дворян была принята на русскую службу. Сам Кантемир, известный уже в то время своим большим интересом к различным отраслям знаний, получил в Москве титул князя и значительные пожалования земель на Украине. С ним в Москву переехал и двухлетний Антиох – будущий поэт и один из постоянных собеседников Татищева.

Прутский поход, как известно, закончился неудачей. Помимо объективных причин, сказались и субъективные. Измены иностранных наемников были нередки и ранее, начиная с Нарвы. Но в данном случае Петр, может быть впервые, почувствовал крайнюю ненадежность всего института иностранных офицеров на русской службе. Иностранцы «объявили себя в первые люди в подлунной, а егда до дела дошло, то искусства – ниже вида». Сразу после подписания мирного договора, приведшего к утрате важных позиций в Причерноморье, Петр уволил в отставку 14 генералов, 14 полковников, 22 подполковника и 156 капитанов. Напротив, Василий Никитич Татищев был в 1712 году повышен в чине и отправлен из Азовского драгунского полка «за моря капитаном для присмотрений тамошняго военного обхождения».

Ненадежность иноземных офицеров остро поставила проблему подготовки высших отечественных кадров. В 1712 году «к войску французскому... для всяких наук и порядков военных» направили «30 чел. от капитанов до прапорщиков добрых и молодых офицеров, несмотря фамилии и богатства и бедности, имеющих доброе сердце и тщание к службе». Василий Никитич в это число, по-видимому, не входил: французского языка в это время он не знал и заграничные поездки как будто не побуждали к его освоению. Его объектом были германские страны, куда он и направился из Польши, где с весны 1712 года был расквартирован полк.

Первая зарубежная поездка Василия Никитича была кратковременной. Он провел там всего два месяца «и изучился там инженерства». Такой короткий срок был недостаточен, конечно, для изучения новой отрасли знаний. Но он мог быть полезным для систематизации ранее полученных знаний и получения ответов на некоторые вопросы, уже вставшие перед ним в ходе практической деятельности. В 1713–1716 годах он снова неоднократно отправляется за рубеж, проведя «за морем» в общей сложности «полтретья», то есть два с полови-

ной года. В Германии он останавливается в разных городах, в частности в Берлине, Дрездене, Бреславле. Вполне в духе времени он учится всему, что находит интересного на своем пути. Заботясь о распространении иноземного опыта среди своих сограждан, Татищев беспрестанно закупает книги. В библиотеке, подаренной им позднее Екатеринбургской горной школе, оказались книги по строительству крепостей и оборонительных сооружений, артиллерии, геометрии, оптике, геологии, географии, геральдике, философии, истории и др. Во время этих поездок он выполнял какие-то поручения генерал-фельдцейхмейстера Якова Вилимовича Брюса.

Я. В. Брюс (1670–1735) – потомок выехавших в 1647 году в Россию знатных шотландцев. Для всех шотландцев (равно как ирландцев и других кельтских народностей), покидавших свою страну перед хищническим наступлением английских феодалов, а затем капиталистов, характерна высокая честность и преданность своей новой родине. Брюс ни в коей мере не был исключением. Да и родился он уже в России. Брюс отличался широкой для своего времени образованностью, особенно в области математики, физики, астрономии, географии.

Под наблюдением Брюса вышел календарь на 1710 год, получивший название «Брюсов календарь». В нем наряду с астрономическими сведениями давались медицинские советы, способы предсказания погоды и астрологические прорицания, вследствие чего Брюса называли в народе колдуном. Брюс являлся шефом первой Артиллерийской и Инженерной школы, а также фактическим руководителем всей артиллерийской службы в русской армии. Как раз в 1713 году и сам Брюс выезжал в Берлин «для найма мастеровых и покупки картин». Без материальной поддержки со стороны Брюса Татищев вряд ли вообще бы смог осуществить столь значительные и дорогие закупки книг.

Помимо Брюса, в это время Татищев поддерживает постоянную связь и с фельдмаршалом Шереметевым. Так, в 1714 году весной он ездил к Шереметеву в Лубны. Не исключено, что эти встречи носили непосредственно деловой характер, поскольку именно из-под начала Шереметева Татищев отправлялся за рубеж.

Учеба закончилась к весне 1716 года. 5 апреля был произведен генеральный смотр, после которого по ранее высказанному желанию Брюса Василий Никитич был «написан в артиллерию». Его старый драгунский чин капитана, по-видимому, не был своевременно оформлен. И теперь он подает челобитную об определении в чин «во артиллерии рангом и по достоинству одного трактоментом». От экзамена остался чертеж крепостного сооружения, на котором имеется помета: «16 мая 1716-го начертал Василий Татищев». Татищев производился в инженер-поручики артиллерии «для того, что он, будучи за морем, выучился инженерному, и артиллерийскому делу навывчен», как говорилось в приказе Брюса. Его определили в первую роту артиллерийского полка Главной полевой артиллерии с жалованьем 12 рублей в месяц.

В перерывах между длительными заморскими путешествиями Татищев не оставляет и других своих дел. Он приводит в порядок основательно запущенное имение (и заниматься ему пришлось этим дважды: по первому и по второму разделу), отстраивает дом, расчищает лес, «крестьян вновь населил». Летом 1714 года он женится на вдове Авдотье Васильевне, урожденной Андреевской. В 1715 году от этого брака у него родилась дочь Евпраксия, а в 1717 году сын Евграф.

Брак, заключенный, по-видимому (по крайней мере, с его стороны), по увлечению, счастливым не был. Да и трудно было ожидать иного, когда супруги крайне редко виделись. Дворяне начала XVIII века обязаны были нести возложенную на них службу беспрекословно, не отговариваясь какими-либо своими личными делами, в частности хозяйственными и семейными. Для Татищева же вопрос и не мог быть поставлен иначе. Он считал такой порядок вполне целесообразным и справедливым и никогда не пытался обойти существующие предписания (что сплошь и рядом делалось).

Охлаждение наступило уже после нескольких лет супружества. А в 1728 году Татищев обращается в Синод с прошением о расторжении брака. Он обвиняет супругу в расточитель-

ности, прелюбодеянии и даже попытке отравить его. Первые два обвинения, очевидно, обоснованны. В его отсутствие Авдотья Васильевна основательно подорвала хозяйство, распродала имущество мужа и одежду деверя Ивана Никитича. Не были секретом и ее амурные похождения, тем более одиозные, что любовником ее оказался игумен соседнего – Раковского монастыря. Третье, конечно, проверить невозможно. Позднее в «Духовной» Татищев более спокойно оценивает происшедшее, тем более что развод (из-за неявки Авдотьи Васильевны) оформлен не был. «Что до персоны супружества касается, – наставляет он сына, – то главные обстоятельства: лепота лица, возраст и веселость в беседе, которое женам большую похвалу приносит и тем много молодые прельщаются; но, как известно, что в краснейшем яблоке наиболее черви, а при лепоте женщин продерзости находятся, и для того оно бывает небезопасно». Предостерегает Татищев сына и от ревности: «Я довольно искусился, что она любовь и верность разоряет и не хотевшую супругу огорчением на противные и коварные проступки приводит». Поэтому он рекомендует: «Если бы тебе что и противно показалось, не надобно скоро и запальчиво поступать, но добрым порядком тайно рассуждением от того отвратить и на лучшие поступки наставить, а не разглашать, ниже вид неверности другим показывать». Несмотря на явно неудачный собственный опыт, он предостерегает сына, что «жена тебе не раба, но товарищ, помощница во всем и другом должна быть неллицемерным». Суждение, прямо скажем, отнюдь не характерное для первой половины XVIII столетия.

Но вернемся к 1716 году. Вскоре после возвращения Татищев получил от Брюса задание по подготовке «практической планиметрии». Как писал позднее сам Татищев в письме к советнику Канцелярии Академии наук Иоганну-Даниилу Шумахеру (1690–1761), задание это Петр дал самому Брюсу, а тот препоручил дело Татищеву, очевидно, считая его достаточно для этого подготовленным. Как и обычно, Татищев энергично взялся за работу и вскоре подготовил ряд тетрадей общим объемом около 130 листов. Завершить работу в целом Татищев не успел, поскольку был вскоре оторван для других, более неотложных дел. Но он сам считал целесообразным опубликование уже написанных тетрадей. Они не потеряли значения даже и тридцать лет спустя. В письме к президенту Академии наук Кириллу Григорьевичу Разумовскому (1728–1803) от августа 1747 года Татищев разъясняет практическую пользу «действующей геометрии», «ибо у нас великие вражды, беспокойства, смертные убийства, крайний разорения немосчим от сильных, недоборы в казенных податях от неразмежевания земель происходят, а хотя межевщики часто для размежевания посылаются, но такие, которые ничего о геометрии не знают, ово от неведения, ово от принуждения сильных, или по страсти межуют, как хотят; а хотя и геодезисты посылаются, но и те поль делити не учены и обидят людей или разоряют по их воле».

Вполне в духе просветительского XVIII века Татищев склонен был смешивать и отождествлять злой умысел и невежество, объяснять самые злоупотребления недостаточной образованностью. Но и его «практическая» геометрия была не просто «точной» наукой, а и определенным пониманием социальных вопросов и путей их разрешения. В том же письме Татищев напоминает, что в 1719 году им было сделано соответствующее представление Петру I, и тот «изволил довольно рассудить, что без уравниения и размежевания земель оные (подушные подати. – Авт.) уравнительны и постоянны быть не могут, повелел мне о том наказ со всеми обстоятельствами сочинить и для обучения землемеров геометрию делать, которое, хотя в отлучках моих продолжилось и ко окончанию привести времени не достало, однакож несколько того еще нашел». Татищев высылал эти тетради адресату, поскольку ему уже «ко окончанию привести времени не достало». Как и во всем, Татищев смотрел на свой труд как на часть общего труда на пользу отечества, ни в коей мере не дорожил даже своим авторством: лишь бы написанное служило делу, приносило реальную пользу. Но опять-таки, как и со многими другими его трудами, он настолько опережал свою эпоху, что даже присвоить их кому-либо было трудно из-за несоизмеримости знаний.

«Практическая геометрия» явилась первой крупной работой Татищева, в которой косвенно он ставил вопрос об упорядочении системы землевладения и податного обложения в масштабах всего государства. Критике в ней подвергалась не только практика размежевания, но и податная реформа, подготавливавшаяся на протяжении целого десятилетия и завершившаяся в 1718 году заменой подворного обложения подушным. Татищев находил более целесообразным не подушное, а поземельное обложение. Но вполне обосновать свои предложения он не успел, так как был обременен другими поручениями. А он имел обыкновение ответственно относиться к любому порученному ему делу.

Сам Петр и в значительной степени его администрация принадлежали к числу людей весьма деятельных. Но пользы специализации и разделения труда в должной мере еще не осознавали. Поэтому одни и те же лица перебрасывались то на одно, то на совершенно иное дело, о котором данное лицо, может быть, и понятия-то до сих пор не имело. Но даже и на этом не слишком упорядоченном фоне круг занятий Татищева поражает своей безграничностью. В феврале 1717 года ему предложено продолжать строительство Оружейного двора в Петербурге, причем на нем же лежит и обеспечение солдат, приписанных к Оружейному двору «для караулу и посылок». А уже в апреле того же года он отправляется по поручению Брюса в Кенигсберг для приведения в порядок расстроенной русской артиллерии в двух расквартированных в Померании и Мекленбурге дивизиях, а также для того, чтобы сшить «на каждого человека по кафтану, по камзолу, по карпусу».

К 1716 году Россия достигла наивысших успехов в Северной войне и возглавила большую антишведскую коалицию. Помимо первоначальных ее союзников – Дании и Саксонии, – в коалицию входили Польша, Пруссия, Ганновер. Поддержку союзникам оказывали флоты Англии и Голландии. На суше русские войска владели Ингрией, Эстляндией, Лифляндией, шведы были изгнаны из Финляндии, Курляндии, Померании, Данцига. Немецкие герцоги искали дружбы русского царя. В свою очередь, и царское правительство стремилось привязать к России прибрежные немецкие герцогства. Этой цели и служили упомянутые выше браки дочерей царицы-вдовы Прасковьи Федоровны с герцогами курляндским и мекленбургским. Согласно брачному договору с герцогом мекленбургским Карлом-Леопольдом, заключенному в январе 1716 года, Петр обещал герцогу помощь в приобретении ряда земель, а в случае неудачи выплатить 200 тысяч рублей приданого. 8 апреля 1716 года в Данциге был подписан союзный договор, по которому взамен за обещанную помощь Россия получала право пользоваться портами Мекленбурга, а сухопутным войскам разрешался проход через его территорию и устройство там складов. В итоге русские войска к концу 1716 года оказались расквартированными на всем побережье Балтики, вплоть до Дании.

Однако достигнутый успех не был прочным. Союзники соглашались на присутствие русских войск, конечно, только ради удовлетворения собственных выгод, в частности, разного рода территориальных притязаний за счет Швеции. Но в активных действиях против Швеции они принимать участия не хотели. В результате планировавшаяся в 1716 году большая десантная операция не состоялась. А для многих союзников усиливающаяся Россия казалась теперь уже куда более опасной, чем ослабевшая Швеция. Это и не удивительно, если учесть, что в числе союзников России была Англия. Английское правительство, а также подстрекаемые английской дипломатией правительства Дании и Ганновера теперь изо всех сил добиваются отвода русских войск от Балтийского побережья. Агентура этих стран повсюду стремится разжечь ненависть к России и к русским войскам у местного населения и в соседних княжествах. С этой целью распространяются разного рода провокационные слухи, затрудняется снабжение русских дивизий. В этом направлении беззастенчиво трудился и Карл-Леопольд – зять царя.

В итоге в 1717 году прежние союзники, Дания и Ганновер, отказываются от проведения совместных военных действий против Швеции, а Англия даже готова повернуть фронт на сто восемьдесят градусов. Северный союз распался. Поэтому русская дипломатия обращает

теперь внимание в сторону Франции, единственного союзника Швеции на Европейском континенте. Этому сближению помогало то обстоятельство, что союзная России Пруссия еще в 1716 году заключила тайный договор с Францией о закреплении за ней ряда полученных от русских войск территорий Балтийского побережья. К тому же в это время Франция была едва ли не единственной страной континента, заинтересованной в том, чтобы русские войска оставались в германских княжествах: таким образом французы рассчитывали воздействовать на своего исконного врага – Австрию.

Осложнение международной обстановки к зиме 1717 года побуждало русское правительство, с одной стороны, не форсировать активные действия против Швеции, а с другой – быть готовым к выводу своих войск из районов южного побережья Балтики. Подготовиться к этой возможной операции и предусматривалось командированием в распоряжение русских войск Татищева.

На переобмундирование расквартированных в Померании и Мекленбурге артиллеристов Татищев «в добавку для посылки» получил пятьсот золотых червонцев. Ремонт артиллерийской техники, по-видимому, предполагалось осуществить за счет местных войсковых ресурсов. Поэтому многое зависело от содействия военного руководства. Брюс и снабжает Татищева специальным «письменным наказом» к генералу Никите (Аниките) Ивановичу Репнину – командующему одной из двух дивизий.

Отпущенная Татищеву сумма, конечно, совершенно не соответствовала тому объему работ, который ему предстояло выполнить. По принудительному курсу русский золотой червонец этого времени приравнивался к двум рублям – талерам. Но его действительный курс был значительно ниже (примерно полтора рубля). Поэтому если серебряный рубль шел в других европейских странах один к одному с талером (и в том и в другом было 28 граммов серебра), то на золотой червонец (3,4 грамма золота) двух талеров там не давали. Это было, конечно, известно и в Петербурге. Но по обыкновению петербургское начальство, требуя безусловного выполнения определенных работ, давало заведомо недостаточное материальное их обеспечение. Насколько незначительна была эта сумма, можно судить хотя бы по тому, что в том же 1717 году стоимость содержания одного нашего солдата в год определялась в 28 рублей 40 копеек, а одного драгуна – в 40 рублей 17 копеек. С другой стороны, пушечный мастер Витверк в Кенигсберге, которого Татищев должен был привлечь на русскую службу, согласился подготовить двух учеников за те же пятьсот червонцев. И в этом случае казна не собиралась торговаться: речь шла об иностранце.

Татищев прибыл в Кенигсберг 12 мая и немедленно с головой ушел в работу. Три дня он изучает состояние мастерских, ищет материалы, сопоставляет цены в разных местах, непрерывно уведомляя Брюса о всех своих шагах и соображениях. Он быстро выясняет, что «сукны дешевле» в Гданьске, «а штаны и сапоги делать здесь дешевле». 21 мая он уже в Гданьске, где размещает заказ на сукно, а через некоторое время мастерские получили вместе с заказом предписание выполнить его «в три недели».

В связи с начавшейся переброской русских войск к границам России дивизия Репнина передавалась под командование фельдмаршала Шереметева. 13 июля оба командующих «указали» Татищеву срочно прибыть в распоряжение армии «для исправления артиллерии, понеже им поход назначен к границам российским». Со своей стороны, и Брюс написал письмо Шереметеву с просьбой оказывать содействие Татищеву в осуществлении его миссии. 15 июня Татищев отбывает в Тарунь, где была дислоцирована дивизия Репнина, а также располагался штаб русской армии, во главе которой находился один из виднейших русских полководцев, будущий «верховник» Василий Владимирович Долгорукий (1667–1746). Долгорукий радушно принял Татищева, приказав по всем важным делам обращаться лично к нему.

В течение семи недель Татищев в Таруни занимается приведением в порядок основательно запущенного артиллерийского хозяйства. 6 августа он возвращается в Гданьск, уведо-

мив Брюса, что артиллерию в четырех полках дивизии Репнина он «совсем исправил. Станки, ящики и прочих принадлежащих припасов вновь все делал, в чем господа генералы довольны весьма». В свою очередь, Репнин, отпуская Татищева, писал 16 сентября Брюсу: «Присланный от Вашего превосходительства поручик Татищев человек добрый и дело свое в моей дивизии изрядно исправил. Истинно никогда так было, за что благодарствуем, и желаю, дабы и всегда здесь при нас таковы ж были, а не такие, какие были и ныне есть». Похвала весьма выразительная и, конечно, совершенно бескорыстная, а потому справедливая.

Больше трудностей выпало на долю Татищева при выполнении аналогичного задания в дивизии генерала Адама Адамовича Вейде, расквартированного в Мекленбурге. Трудности начались с того, что Татищев с самого начала не мог получить даже сведений, «сколько людей и пушек оставлено» в Мекленбурге. Видимо, и сам Вейде не слишком рвался оказать содействие посланцу из Петербурга. А деньги, привезенные с собой, конечно, уже были истрачены. К тому же генералы решили использовать Татищева не только для ремонта техники, но и для полного обеспечения артиллерии необходимыми припасами. Особенно плохо обстояло дело с обеспечением артиллерии конной силой. И Татищеву приходилось делать то, что само военное руководство на месте сделать не сумело: закупать необходимых лошадей и припасы. Для завершения этих дел Долгорукий выделил ему еще двести червонцев, чего, конечно, опять-таки было слишком мало. От первоначальной мысли сделать новые станки под пушки и деревянные ящики и для дивизии Вейде ему пришлось отказаться, так как стоили «дерево, железо и работа без меры дорого». Ограничились ремонтом старых, с тем чтобы было «возможно до границ своих довести».

Вечером 18 сентября в Гданьск прибыл Петр I. Одна из целей его приезда заключалась в стремлении заставить городской магистрат выплатить наложенную на город год назад контрибуцию, а также заставить город прекратить торговлю и прочие сношения со Швецией (чего оккупирующие город войска сделать никак не могли). Другая цель носила, казалось бы, частный характер: Петр хотел на месте познакомиться со «святыней». В 1716 году он получил от бургомистра Гданьска сообщение, будто в городе имеется картина «Страшный суд», написанная самим просветителем славян Мефодием. Требуемая контрибуция исчислялась в двести тысяч рублей. За картину городской магистрат испрашивал сто тысяч. Петр готов был выплатить 50 тысяч и поручил В. В. Долгорукому, а также Татищеву на месте осуществить эту сделку. Татищев, однако, скоро понял, что бургомистр об авторстве Мефодия «вымыслил или от слышания сказывал». Довод этот, по-видимому, произвел впечатление на Петра, в результате чего тот не стал настаивать на покупке картины.

Деятельностью Татищева в Поморье Петр, очевидно, остался вполне удовлетворен как в отношении основной задачи, так и в части его личных поручений. Татищев сообщает Брюсу, что имел возможность «просить о перемене чина», то есть о повышении по службе, но воздержался от этого, дабы не идти в обход Брюса. 20 сентября, «по 100 выстрелах», царь сухим путем направился назад в Кенигсберг, наказав Долгорукому утвердить контракт с пушечных дел мастером Витверком на поставленных им условиях (пятьсот червонцев за подготовку двух учеников).

Ряд личных поручений дал Татищеву и Брюс. Татищев покупает для Брюса книги, вина, цитрусовые деревья, ищет «статуйного мастера», которому заказывает две дубовые статуи стоимостью по десять червонцев. Книги и в России и в Европе были весьма дорогими. Из собственных пометок Татищева на книгах его личной библиотеки видно, что он платил за них от пятидесяти копеек до восьми с лишним рублей. Поэтому, покупая определенное количество книг, он высылает Брюсу «рописи» новых изданий «мафематических новых и алхимических книг», а также «гисторических новых». Еще более широк круг вопросов, по которым и на этот раз закупает литературу сам Татищев. Даже из той небольшой части книг, которую удалось разыскать в наши дни, видно, что собирателя интересовали, книги по истории, хронологии,

этнографии, географии, различные лексиконы, грамматики (немецкая и французская), богословская литература, книги по театру, садоводству, пособия по математике, геометрии, географии, химии, астрономии, строительному делу, фортификации, артиллерии. Все закупленное он отправил единой упаковкой Брюсу, с тем чтобы в Петербурге разобраться в приобретениях для того и другого.

Будучи перегруженным разного рода поручениями, Татищев находил время и для решения внезапно возникавших вопросов, и для того, чтобы пополнить свое образование. Так, еще по пути в Кенигсберг он осматривает уцелевшее после гибели русского корабля «Люстига» артиллерийское снаряжение. Проезжая через Либаву, он ходатайствует об освобождении из-под ареста русского бомбардира. Уговаривая Витверка перейти на службу в Россию или взять в ученики русских мастеров, он сам внимательно изучает технологический процесс литья пушек. И оказывается, что он и ранее хорошо был знаком с этим процессом, так как от его внимания не ускользнули технические новинки, о чем он немедленно и извещает в письме. Привлекают его и к разного рода следственным делам, связанным с провинностями тех или иных чинов артиллерийской службы. Узнав в Гданьске о взятии австрийцами Белграда, Татищев 20 августа отправляет специальное уведомление об этом в Петербург.

По-видимому, в Данциге Татищев присутствовал на пиру у Петра и воспроизвел позднее в «Истории» происшедший там любопытный разговор. Речь шла о польских делах. Льстивый царедворец Платон Иванович Мусин-Пушкин начал хвалить Петра, противопоставляя его самодержавное правление царствованию отца – Алексея Михайловича, – который доверялся своим советникам: боярину Морозову и другим. Петр, однако, увидел в этом не похвалу, а «брань» в свой адрес и обратился как бы за третьей стороной к Якову Федоровичу Долгорукому (1639–1720), отличавшемуся независимым и открытым характером. «Ты меня больше всех бранишь и так тяжело спорами досаждаешь, что я часто едва могу стерпеть, – сказал Петр князю. – Но как разсужу, то я вижу, что ты меня и государство верно любишь и правду говоришь, для того я тебя внутренне благодарю». Петр предложил Долгорукому оценить отцовские и его собственные дела.

Я. Ф. Долгорукий действительно мог дать такую оценку, так как начинал службу при дворе Алексея Михайловича и в отличие от Петра хорошо знал «тишайшего» царя. И теперь он, «недолго по повадке великие свои усы разглаживая и думая», дал сопоставительную оценку, не слишком лестную для Петра: «Дела разные, в ином отец твой, в ином ты больше хвалы и благодарения от нас достойны». Князь выделил три круга обязанностей государей: правосудие, военные дела, дипломатические, причем первому отводим важнейшее место. Долгорукий находил, что в правосудии «отец твой более времени свободного имел, а тебе есче и думать времени о том и не достало, а тако отец твой более, нежели ты, вделал; но когда ты о сем прилежать будешь, то может превзойдешь, и пора тебе о том думать». Не очень жаловал князь Петра и по второму кругу обязанностей государя. Он отметил, что именно Алексей указал путь к устройству регулярных войск, а после него все это было приведено в расстройство, так что Петру пришлось все начинать заново. Правда, Петр «все вновь делал и в лучшее состояние привел». Но расстройство было создано правительством Нарышкиных в 90-е годы. Да и теперь князь оговаривается: «Не знаю, кого более похвалить», – откладывая ответ на этот вопрос до конца войны. Преимущество Петра он увидел лишь в выполнении внешнеполитических задач, дипломатической активности и в создании флота.

По сообщению Татищева, Петр высоко оценил искренность своего сподвижника. Расцеловав его, он сказал: «Благий рабе, верный рабе, в мале был еси верен, над многими ты поставлю». «Сие Меншикову и другим, – отмечает Татищев, – весьма было прискорбно и всеми меры прилежали его государю озлобить, но не успели ничего».

За этой глухой оценкой скрывается и отношение самого Татищева к разыгравшейся в 1717–1718 годах драме: бегству царевича Алексея, его гибели и последовавших затем казнях

или опалах его сторонников. В числе пострадавших был и Василий Владимирович Долгорукий, оказывавший покровительство Татищеву в его заграничной миссии в 1717 году. Долгорукий был за «дерзкие речи» сослан в Соликамск, с лишением чинов и имущества. От более сурового наказания его спасло лишь заступничество Якова Федоровича Долгорукого. Тень была брошена также на Голицыных и на Бориса Ивановича Куракина. Царевич оговорил и царицу Прасковью (и, видимо, не без оснований). Иными словами, гнев царя был направлен против многих лиц, с которыми Татищев находился в довольно близких отношениях и к которым относился с безусловным уважением как до, так и после их опалы. Он, конечно, не имел в придворных кругах какого-либо веса, а потому его позиция не могла привлекать особое внимание в напряженной борьбе при дворе. Но и совершенно без последствий его симпатии и антипатии пройти не могли.

Татищев не случайно упомянул Меншикова и других. С любимцами Петра у него никогда не было взаимопонимания. Он на стороне Якова Долгорукого, когда тот защищает советников Алексея Михайловича: «Мудрый государь умеет мудрых советников избирать... У мудрого не могут быть глупые министры». Кое-кто из окружения Петра мог принять эти замечания и на свой счет. Татищев явно выделяет тех, кто на первое место ставит служение государству, а не просто царю. Его возмущает то равнодушие или даже злорадство, которое проявилось кое у кого из советников царя во время трагической развязки его конфликта с сыном. Образец достойного поведения в этой сложной ситуации, с его точки зрения, явил Брюс. «Когда между знатнейшими или первейшими в правлении государственном учинилась великая вражда и злоба, которая через несколько лет не без беды многих продолжалась, он ни к которой стороне не пристал и от обоих в любви и доверенности пребывал». Таковой же, очевидно, была и собственная позиция Татищева, что совсем скоро найдет и прямое выражение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.